

Баржа бесшумно скользила по воде под автобусом № 22.

Лейли сидела, прислонившись лбом к стеклу, в третьем ряду от водителя, смотрела, как медленно удаляются пирамиды белого песка, и думала: «Ну вот, теперь они крадут наш песок... Все остальное уже захапали, теперь забирают пляж, песчинку за песчинкой».

Автобус пересек канал Арль-Бук и продолжил подъем по авеню Мориса Тореза. Мысли в голове Лейли едва шевелились. Она всегда представляла себе этот канал как расходящийся шов, а городок Пор-де-Бук — как медленно дрейфующий в сторону моря клочок земли, отделенный от континента узким двадцатиметровым проливом. Завтрашним океаном.

«Не идиотничай...» — урезонила себя Лейли, а автобус уже ехал по объездной дороге, — четырехполосному национальному шоссе № 568. Нескончаемый поток машин отделял Пор-де-Бук от остального мира еще надежнее канала с его ленивыми баржами и лесистыми берегами. Часовая стрелка еще не доползла до цифры семь, а новый день уже начался, приоткрыв один темный глаз. Бледный свет фар встречных машин освещал лицо Лейли, преломляясь через стекло. В кои-то веки она казалась себе красивой. Результат стоил приложенных усилий. Она поднялась в шесть утра, чтобы вплести в косички разноцветные бусины,

как это делала ее мать Марем в Сегу¹ летом, под палящим солнцем, у реки.

Лейли хотела выглядеть соблазнительной — это было важно. Патрис, то есть мсье Пеллегрен, сотрудник, занимавшийся ее досье в Бюро по предоставлению социального жилья за умеренную арендную плату, был неравнодушен к ее ярким краскам. К улыбке. К жизнерадостности. Пёльскому² происхождению. Смешанной семье.

Автобус № 22 свернул на проспект Группы Манушьяна³, идущий мимо городка Агаш.

Ее семья. Лейли сняла солнечные очки и аккуратно разложила на коленях фотографии. В деле оболыщения Патриса Пеллегрена они такое же важное оружие, как женское обаяние. Она тщательно отобрала снимки Тидиана, Альфа, Бэмби и квартиры. Интересно, Патрис женат? Есть ли у него дети? Можно повлиять на этого мужчину? И если да, насколько он влиятелен?

Автобус № 22 вез Лейли к месту назначения, виляя между гигантским «Карфуром», «Квик бургером» и «Старбаксом». За несколько месяцев, прошедших

¹ Сегу — город в южной части Мали на реке Нигер. Основан в 1620 г. поселенцами народа бозо́. Сейчас является третьим в Мали по численности населения. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Пёль — племя, проживающее в Западной Африке, в нескольких странах. Раньше — кочевое, сейчас — практически оседлое (кроме пёль-бороро). У пёль более светлая кожа. Пёль приняли ислам еще в XI веке, сохранив этнические особенности.

³ Мисак Манушьян (1906–1944) — французский антифашист армянского происхождения, национальный герой Франции (посмертно награжден орденом Почетного легиона), рабочий-коммунист, поэт и переводчик. С августа 1943 г. «Группа Манушьяна» совершила почти тридцать успешных нападений на немецких оккупантов, в том числе ликвидацию коменданта Парижа генерала фон Шамбурга, «отличившегося» массовыми расстрелами. Мисак был арестован 16 ноября 1943 г., подвергался пыткам и 21 февраля 1944 г., в возрасте 37 лет, казнен вместе с 21 членом своей группы.

с последнего визита в агентство, появилось штук десять новых вывесок: белые рога гриль-бара «Буффало», оранжевый цветок магазина «Страна садов»; пирамидальная крыша отеля «Ред Корнер». С фасада мультиплекса из стекла и стали на Лейли смотрел гигантский Джонни Депп в образе капитана Джека Воробья, и ей вдруг показалось, что у них одинаковые прически.

Все здесь было похоже, и все походило на другие места.

Автобус спустился к каналу Каронте, соединяющему лагунное озеро Бер с заливом Фос в Средиземном море, и оказался на улице Юрди-Милу. Здесь и располагалась контора Патриса Пеллегрена. Лейли последний раз взглянула на свое отражение. Робкий свет дня потихоньку стирал ее призрак в стеклянном зеркале. Она должна убедить этого человека, что не может жить в этом бездушном обезличенном месте. Внушить ему, что Лейли одна такая на свете, только и всего. Черт, а он Патрис или нет?

2

06:49

Бэмби стояла перед Франсуа.

Специальная система зеркал номера «Шехерезада» в отеле «Ред Корнер» множила углы обзора, как если бы десять камер снимали и проецировали ее изображение на стены и потолок со спины, снизу и анфас.

Франсуа никогда не видел подобной красавицы.

Во всяком случае, не в последние двадцать лет. С тех пор как он перестал мотаться по миру и покупать за пару баксов тайских и нигерийских проституток. Почти все они могли бы побеждать на конкурсах красоты, предоставь им судьба шанс родиться «по другую сторону панели». Франсуа остепенился, женившись на Солен, у них родились Юго и Мелани, он построил дом в Обани¹, каждое утро повязывал галстук и отправлялся на работу проверять счета компании «Вогельзуг»², а в командировку за границу ездил два раза в год. Не дальше Марокко и Туниса.

Франсуа посчитал в уме месяцы: он около года не изменял Солен. Сам не заметил, как стал верным мужем. В «Вогельзуг» работали ярые сторонники режима секретности, и теперь он редко видел девушек

¹ Обань — город и коммуна на юго-востоке Франции в регионе Прованс—Альпы—Лазурный Берег, департамент Буш-дю-Рон, округ Марсель, кантон Обань.

² Вогельзуг, нем. Vogelzug — миграция, перелет птиц.

легкого поведения, демонстрирующих соблазнительные изгибы и округлости.

И еще реже обнимал их.

Девушку звали Бэмби. Пёльское имя. Двадцать четыре года, тело африканской принцессы. Пишет диссертацию по антропологии и миграционным потокам. Они встретились случайно. Франсуа входил в группу из пятидесяти специалистов, регулирующих жизнь иммигрантов. Пятьдесят часов разговоров, записанных на диктофон (в том числе с ним плюс часовой монолог в кабинете «Вогельзуг»), оживленных легким флиртом.

Бэмби показалась Франсуа очень увлеченной, он давно не путешествовал налегке, беззаботность молодости уступила место опыту, силе, успешности, умению соблазнять, и он помог ей дельными замечаниями. Она прислала исправленный текст, и две недели спустя они снова встретились и долго разговаривали — на сей раз под запись, а прощаясь, позволили себе долгое объятие. *Позвоните мне, если будет желание...*

Очаровательная докторантка позвонила. Сказала, что ужасно занята — диссертация, практические занятия на факультете, — так что времени на бойфренда нет, поэтому... не будем терять время.

Получилось удачно: Франсуа придерживался той же философии.

Не будем терять время.

Приезжайте сюда, в «Ред Корнер», что на углу.

Войдя в номер, Франсуа сразу улегся на кровать, изображая внезапную усталость из-за трех стопочек водки, выпитых в баре на первом этаже. Не будем терять время? Пришлось потратить немало часов, чтобы приручить красавицу.

Бэмби присела рядом на корточки — без ложной застенчивости, но с обезоруживающей нежностью — и почесывала ему шею, как коту. Парео из набивного хлопка цвета солнца, доходившее до лодыжек, оставляло открытыми смуглые плечи и глубокое декольте.

Маленький серебряный кулон прятался под эластичной резинкой.

— Это птица?

— Сова. Хотите взглянуть?

Девушка медленно потянула яркое одеяние вниз, к холмикам груди, и рывком сдернула до талии.

Белья она не носила...

Вырвавшаяся на свободу плоть была великолепна, волшебна, а в ложбинке подрагивала маленькая сова.

Солнечное платье щекотало пупок, облегало бедра. Бэмби поднялась, провела пальцем по шее Франсуа до первой пуговицы рубашки и скользнула ладонью ниже, ниже — к ширинке. Девчонка решила свести его с ума!

Франсуа не останавливало, что она чуть моложе его дочери. Он знал, что все еще привлекателен, а седина действует магнетически. Не забывал он и про обаяние денег.

Интересно, у нее есть корыстный интерес?

Тело Бэмби колыхалось перед ним. Она улыбалась. Играла, как бабочка, готовая в любое мгновение вспорхнуть. Франсуа заставил себя успокоиться, чтобы не наброситься на девушку, поймать ее ритм. Возьмет ли она деньги? Нет, конечно нет. Проще всего будет увидеться еще раз. Встречаться время от времени. Обращаться с ней как с принцессой. Подарок. Ресторан. Отель получше загородного «Ред Корнер». Он обожал умных красавиц, считал, что они добрее других девушек. Чужая зависть кого угодно заставит стать идеальной подругой. Никто не хочет быть «побитым камнями», уж лучше научиться скромности как средству выживания.

Мало кому из мужчин выпадает привилегия касаться ангелов.

У него мягкий голос, он любит поговорить. Больше всего ему нравится слушать себя.

Его жену зовут Солен. Их маленькой дочке Мелани исполнился год.

На левом соске у него маленький шрам в форме запятой.

Бэмби погладила подушечками пальцев кожу вокруг сосков, и Франсуа возбудился еще сильнее. Она долго ласкала его и впервые позволила на несколько секунд коснуться своей груди, но сразу отпрянула, как будто обожглась.

Франсуа предпочел думать, что она хочет продолжить игру. Бэмби с вызовом посмотрела ему в глаза, нарочито медленно повернулась:

— Принесу воды...

Руки Франсуа осиротели, зато взгляд воспламенился. «Прояви терпение, дружок, — мысленно призвал он себя, — и будешь вознагражден!» Первым усладились зрение: Бэмби на ходу опустила парео еще ниже, прошла мимо витражного окна — на коже отразилась россыпь цветов — и через мгновение вернулась со стаканом. Франсуа ощутил волну тяжелого аромата.

— Нравится? — Голосок Бэмби прозвучал по-детски наивно.

Франсуа сел, подложив под спину подушку. У него был фирменный секрет — он никогда не строил из себя самца-победителя, особенно если был уверен, что уже покорила сердце женщины.

Он смотрел на девушку с обожанием и восторгом, как на заветный подарок, и изображал смущение.

— Красавица моя, ласточка моя бархатная, зачем тебе такой старик, как я?

— Замолчите, Франсуа.

Бэмби подошла совсем близко. Она была обнажена, только на волосах остался прозрачный шарф. Помнится, в их первую встречу Франсуа подумал, что такое покрывало не вписывается в образ «освобожденной» студентки. Бэмби расхохоталась:

— Разве я не кажусь вам красивой?

Бессовестная кокетка права. Шарф вуалью скрывал овал лица, затеняя круглые скулы, как дорогая рама, позволяющая сконцентрировать взгляд на шедевре — удлинённых, как листья оливы, глазах, двух перламутровых лодочках, уносящих в ночь между тростинками ресниц две черные, с медовым отблеском, жемчужины.

Комнату заполнял пряный аромат. Из скрытых в стенах динамиков лились восточные мелодии. «А нет ли тут видеокамер?» — встревожился Франсуа.

Бэмби плавно двигалась в такт музыке, зазывно вращала бедрами, внушая Франсуа уверенность, что он вот-вот насладится ее телом, а она станет инструментом в его руках. Бесценным инструментом, на котором позволено играть редким виртуозам.

— Я вам нравлюсь только из-за красоты.

Тембр голоса — «маленькая девочка»... Неотразимый. Не гортанный, без хрипотцы, как у исполнительниц госпела.

— С других сторон я тебя пока не знаю.

— Ну так закройте глаза.

Франсуа не послушался.

Бэмби медленно стянула с головы шарф. Длинные черные волосы были заплетены в косички.

— Хочу, чтобы вы любили меня с закрытыми глазами.

Девушка забралась на кровать и, мгновенно отринув стыдливость, оседлала Франсуа, так что он уперся взглядом в ее груди и ощутил мускусный запах женственности. Кожа Бэмби пахла вусуланом¹ — молодые мальййки пропитывают этим благовонием одежду и волосы, втирают в тело, чтобы околдовать возлюбленного.

— Хочу, чтобы вы любили меня на ощупь.

¹ Вусулан — порошок из измельченных ароматических сортов дерева, пропитанного смесями масел, лепестков или листьев, приправ, ароматных трав и ароматических смол.

Ладно... Франсуа принял игру. Ему не впервой заниматься любовью с повязкой на глазах. Вначале они с Солен часто это практиковали, но больше так не делают. Поэтому он сегодня здесь. Только поэтому. Франсуа опустил веки, Бэмби завязала ему глаза, и он попытался лизнуть ее соски, обхватив грудь ладонями.

— Ведите себя хорошо, господин администратор! — произнесла Бэмби.

Тонкие пальцы сомкнулись на запястье Франсуа, как если бы он, подобно мальчишке-шалуну, пытался стащить конфету из коробки.

Шелк.

Он понял не сразу, потом рефлексивно дернулся, чтобы сдвинуть повязку, не сумел дотянуться и осознал, что Бэмби затеяла игру с единственной целью — приковать его наручниками к кровати. Значит, она готовилась и заранее прикрепила их к прутьям спинки, спрятав за подушками.

Девушка все спланировала... Проклятье... Что ей нужно?

— Будьте благоразумны, мой авантюрист, игра только начинается.

Она прижалась к нему, окутав облаком аромата, и Франсуа успокоил себя: «Да, это игра, и оччень будоражащая!»

Чего добивается малышка? Он поступил правильно, взяв с собой всего двести евро. Или она задумала шантаж? Ну вперед, крошка! Мелани и Юго совершеннолетние, будет хороший повод расстаться с Солен.

В свои сорок девять лет Франсуа перестал рисковать, обрел столь желанное чувство равновесия и теперь даже радовался приключению, пока... не почувствовал боль в руке.

Укол! В вену! Мерзавка что-то ему ввела!

Франсуа запаниковал, потянул за наручники, хотел было закричать, но вспомнил, что все номера в треклятом отеле отделаны звукоизолирующим материалом, чтобы парочки не раздражались, сравнивая

число и силу оргазмов соседей со своими собственными подвигами.

Нет, Бэмби ничего ему не вливала — ощущение было другое... Она взяла у него кровь!

— Долго ждать не придется, — успокоила его Бэмби, — всего несколько минут.

Франсуа показалось, что время остановилось.

— Бэмби?

Никто не ответил, но ему почудился плач.

— Бэмби?

Он начал терять ощущение времени. Сколько минут прошло? Он один в этом номере? Пора плюнуть на приличия и позвать на помощь. Придется краснеть, объясняться, спокойный мирок Солен рухнет, а Мелани узнает, что любимый папочка спал с ее ровесницей. О которой ничего толком не знал. Неужели проклятая девка с самого начала манипулировала им и все наврала? Только последний болван мог поверить, что такое сексапильное существо пишет диссертацию!

Он открыл рот и тут понял, что рядом кто-то есть.

Попробовал сосредоточиться, уловить запах Бэмби, но терпкие ароматы номера «Шахерезада» перебивали все остальные. Франсуа вслушался. Что это — звук шагов? Дыхание? Шорох висящей на шее цепочки с кулоном? Мелодия уда¹ заглушала все на свете.

— Бэмби?

Он почувствовал укол в запястье и легкую боль, так бывает, когда порежешься при бритье. Теплая жидкость потекла по правой руке. Кто-то с ловкостью цирюльника перерезал Франсуа вены.

¹ Уд — древний безладовый музыкальный инструмент — предшественник лютни и дедушка современной гитары. Уд имеет 11 струн — пять парных и одна басовая. Родина уда — Средний Восток.